

Драгуны Прилепины и другие служилые люди

Когда я читаю об исторических событиях, происходивших на русской земле, иной раз приходит в голову мысль: а были ли мои предки там, участвовали ли в тех событиях? В Куликовской битве, во Втором ополчении Смутного времени, в Полтавской битве, - участвовали? Никита Михалков в передаче "Чай с Захаром" на телеканале Царьград сообщил, что имеются документальные подтверждения участия его предков в Куликовской битве. Потрясают воображение такие знания. А что наши? Где были наши?

Многие даже не подозревают, что о предках огромного количества жителей современной России сохранено множество старинных документов. Эти документы находятся в различных архивах и хранят немало тайн. Большинство россиян вряд ли узнает, были ли их предки на Куликовом поле, но изучить историю своей семьи, скажем, до середины XVII века может каждый. В данной статье речь пойдёт о предках писателя Захара Прилепина, живших в селе Каликино, которое расположено на востоке нынешней Липецкой области, о Белгородской засечной черте и об отважных первопроходцах, заселивших русское Черноземье.

На самом деле, поиском предков замечательного русского писателя Захара Прилепина автор статьи занимается уже несколько лет. В сентябре 2017 года на сайте Переформат.ру вышла статья И.В. Рыльщикова "Однодворцы Прилепины" <http://pereformat.ru/2017/09/prilepin-genealogy/> . Повторяться не буду, отмечу только,

что Захар Прилепин своим творчеством и своей общественной деятельностью возвращает нам, людям, живущим в начале XXI века, наше настоящее, возвращает нам самих себя. Нам на протяжении последних десятилетий вдалбливали, и некоторых почти смогли убедить, что новые классики русской литературы - это Солженицын, Довлатов, В.Пелевин. А тут пришёл Захар с махоркой в закоулках кармана прапрадедовского тулупа, и со смутноразличимым полужверинным бормотанием прапродителей, доносящимся из лесных, меж чудью и мордвой, дебрей. А ещё со своим Донбассом он свалился на наши головы, даже к тем, кто не хотел про Донбасс ничего слышать, с неудобной правдой, со старомодной справедливостью, с имперскими установками. Пришёл, встряхнул и отрезвил нас, вернул нам самих себя. А ещё наши с ним корни переплелись в южнорусском родовом клубке, который существовал даже не на географическом пространстве - южнорусском подстепье, Черноземье - а на военно-политическом.

Мы с ним родом из Белгородской засечной черты. Наши с ним предки и строили её, и защищали южную границу государства, и в походы ходили в Дикое поле на татарскую сторону, и свой собственный земельный надел возделывали, и детей на свет производили - будущих воинов, трудяг-землепашцев, матерей будущих воинов, рукодельниц и мастериц. Архангелогородцы - родня Михайле Ломоносову, сибиряки - Ермаку Тимофеевичу, великий Василий Шукшин грезил родным для него по духу и, наверное, по крови Степаном Разиным, есть прекрасные Парма и Тобол. Но мне интересны те удивительные люди - и Захара предки, и мои, и миллионов воронежцев, белгородцев, курян, липчан, тамбовчан, - которые раздвинули Россию на юг и оставили в своих владениях обширные плодородные чернозёмные степи бассейнов Дона, Воронежа, Оскола и Северского Донца.

Этих людей можно сравнить с пионерами Фенимора Купера, разве что индейцев они не теснили, напротив, сами терпели жестокие испытания. По расчётам крупного специалиста по российской истории XVII века советского учёного А.А. Новосельского, крымские и ногайские татары только за первую половину XVII века угнали в полон 150-200 тыс. русских. Русское население вело ожесточённую борьбу со степняками. Советский историк В.П. Загоровский пишет: *"Служилые люди и крестьяне выходили на паашню с оружием, скрывались от татар в лесах и небольших деревянных острожках, смело вступали с врагом в бой, отбивали захваченных в плен родных и близких, жителей своего и соседних уездов"*. Ещё один замечательный советский учёный академик М.Н. Тихомиров заметил, что: *"есть что-то... чудесное в заселении обширных южнорусских степей, подвергавшихся постоянным набегам татар"*. Мы с коллегами думаем о тех людях, собираем разрозненные крупицы о той их жизни, пытаемся раскопать о них всё, что в наших силах. Они для нас - **наши родные** пионеры, и в первую очередь именно поэтому они нам интересны. Такой вот здоровый и законный эгоистический подход. Но мы и так в юности были слишком очарованы чьими-то чужими предками, к примеру, западноевропейскими рыцарями, и оставались пренебрежительно-равнодушными к своим, и к предкам, и к рыцарям. Пришла пора заняться нашими родными.

Первостепенный интерес вызывает именно самый далёкий из доступных для генеалогического изучения XVII век. По многим причинам. Безусловно, наши пращурь, жившие в послепетровские имперские времена, достойны любви и уважения. Но порой доступная информация о них скуднее, чем о тех, кто жил в веке XVII. Можно узнать имена «недавних» имперских, годы жизни, иногда причину смерти. Изредка попадаются записи, что такой-то в такой-то год был рекрутирован.

Можно даже встретить записи о переезде, а порой и о ссылке дальней родни в Сибирь или на Кавказ. Можно узнать, какой собственностью владели наши предки во второй половине XIX века - начале XX века. И всё. Об остальном приходится домысливать, фантазировать. К тому же, во времена Петра I и позже жители Засечной черты массово окрестянивались правящими кругами. А в героическом XVII веке они были служилыми людьми, отважными первопроходцами, богатырями-воинами. И в записях о них не только имя, отчество и возраст. Можно найти запись о военном походе и о выдаче жалования, или о владении и пользовании государевым ружьём. Здесь не только имя и фамилия. Здесь подвиг. Да даже если и имя только. Ты открываешь для себя этого Степана или Лукьяна и как будто слышишь его голос:

- Ну спасибо тебе, внучок! Давно ко мне никто не приходил, не интересовался. Заждался я вас. Триста лет ждал. Не терпится о себе рассказать! Здравствуй, дорогой!

- Здравствуй, дедуля! - с трепетом отвечаешь ему.

А он тебе:

- Мне восемьдесят пять лет, служил я всю свою жизнь тяжёлую драгунскую службу, застал я ещё Михаила Фёдоровича царя, сыну его служил, крест ему, Алексею Михайловичу царю, целовал, в походы его ходил. А сын у меня Васятка, да внуки Мишутка, да Ивашка, да ещё сын, да племянник... Все однодворцы. А сам я в бою увечен правой рукой, да крив. Но готов ещё в строй, если понадобится.

Замечательный русский и советский учёный-историк Загоровский Владимир Павлович (я буду часто ссылаться на его труды в этой статье) - гуру по южнорусским землям XVII века. В своём фундаментальном труде "Белгородская черта" он сообщает, что в 20-е годы XVII века в Воронежском уезде проживало 18-20 тыс. человек, в Белгородском 12-14 тыс. человек. О количестве населения Лебедянского уезда, откуда родом предки Захара Прилепина, Загоровский не сообщает, но, бесспорно, количество жителей серьёзно уступающего по площади Лебедянского уезда не могло превышать количество жителей Воронежского уезда, да и Белгородского тоже.

В общем, о приблизительном количестве тогдашнего населения Лебедянского уезда в начале XVII века мы можем сделать выводы. Население всего Российского государства в начале XVII века составляло по оценкам учёных около 10 млн. человек. У ныне живущих людей расчётное количество предков, живших в начале XVII века, то есть предков в пятнадцатом колене, составляет приблизительно 32,5 тыс. человек, в шестнадцатом колене приблизительно 65 тыс. человек. Фактическое количество предков в 15-16 колене, конечно, в разы меньше расчётного, из-за браков между родственниками, начиная в основном с шестого, седьмого и так далее колен. Так у А.С. Пушкина из-за родственных связей уже в четвёртом колене это соотношение в генеалогическом древе составляет 87,5% - должно быть 16 предков, а на самом деле, из-за того, что родители Пушкина приходились друг другу троюродными родственниками, предков было 14. Генеалогическое древо великого поэта рассматривается нами для наглядности в качестве хорошей иллюстрации. В пятом колене вместо 32 предков у Пушкина имеется всего 26, то есть, соотношение составляет примерно 81% - ещё одна родственная связь присутствует. С каждым новым коленом, уходящим вглубь, расхождение расчётного количества предков и реального в процентах должно только увеличиваться, то есть цифра в процентах должна становиться меньше, или, как минимум, на начальном этапе оставаться на предыдущем уровне. Если в шестом колене в древе А.С. Пушкина не добавился ещё один брак между родственниками, то соотношение расчётного и реального

количества предков должно остаться на уровне примерно 81%. Но в ближайших последующих коленах процент неминуемо будет падать, и чем дальше, тем серьезней.

В определённый момент произойдёт лавинообразное уменьшение реальных предков. За одно-два тысячелетия реальное количество предков, на самом деле, может стремиться к сотням, десяткам и единицам, в то время как расчётное количество будет составлять какие-то немыслимые триллионы. Но за четыреста - пятьсот лет, если отматывать от сегодняшнего дня, и 15-20 поколений, у каждого человека всё-таки набирается несколько тысяч одновременно живших тогда реальных, не расчётных, подчёркиваю, предков. Жизнь каждого из нас опирается на их жизни, как мост или многоэтажный дом на фундаментные сваи. У каждого из нас имеются, расходящиеся в разные стороны, тысячи корешков, они расходятся в своей родной земле, в своём родном городе и селе и его окрестностях. И все они, тверские, ярославские, вологодские, воронежские, белгородские, тульские, рязанские, псковские, новгородские и составляют те самые 10 млн. наших общих предков - население России начала XVII века. И эти корешки невероятным образом переплетены, запутаны так, что не распутаешь, соединены, сращены.

Конечно же, почти у каждого человека выходят они за пределы царства-государства (в нашем случае российского), и этноса (в нашем случае русского). Всё как у любимого А.С. Пушкина. Только одну ниточку из ста удаётся распутать, если удача улыбнётся. Другие - просто невозможно, не за что ухватиться. К примеру, женщины в метрических документах чаще всего записывались без девичьей фамилии, а иногда и без отчества. В некоторых ревизиях женщины не записаны вовсе. Бывает, что никаких документов и упоминаний о человеке не получается найти. И тем драгоценней разгаданная история, распутанная ниточка для исследователя. И чего лукавить, вернувшиеся родные люди, снова обретшие имя, встроенные в место и время, с государевым ружьём или без него, всё-таки дороже и роднее безымянных, к которым не удаётся никак приблизиться и подобраться. Найденные драгуны и рейтары подобны тем солдатам Великой Отечественной, чьи останки находят и опознают поисковики под Ржевом и на Невском пяточке. Конечно, они безмерно дороги своим потомкам и тем, кто их нашёл.

Получается, что предки каждого из нас составляют, по самым осторожным оценкам, одну пятитысячную, да пусть даже одну десятитысячную часть от населения России времён Смуты. По крайней мере, это касается тех, чьи предки не "сидели" четыреста лет на одном месте в малонаселённом районе. Это степень нашей вовлечённости в исторические события того времени. Во времена Ивана Грозного вовлечённость наших предков в исторические события ещё выше, во времена Ивана III гораздо выше. А во времена Дмитрия Донского? Каждый десятый или каждый сотый живший тогда на русской земле приходится предком каждому современному русскому человеку? Посчитать невозможно и приблизительно сказать очень трудно. А во времена Ярослава Мудрого? Даже страшно подумать сколько - ведь на триллион расчётных предков приходится несколько миллионов человек (точно никто не знает и не узнает сколько на самом деле), которые населяли княжества так называемой Киевской Руси.

Вернёмся во времена Смуты. Не каждый из нас прямой потомок или близкий родственник Минина или Пожарского или других героев. У Минина с Пожарским было ополчение, состоящее из простых, рядовых и сегодня забытых героев. Наши родные люди - они там, в ополчении, в осадном войске, в походах Ивана Грозного. И

в более ранних походах они неизбежно должны быть, только подтверждающие документы найти невозможно.

Итак, подытожим, каждый из нас имеет несколько тысяч человек предков обоего пола, живших в начале XVII века. То есть, рассматривая конкретный случай с предками Захара Прилепина, можно сделать вывод, что если не весь уезд, то население ближайших от родового села сёл и деревень, а уж тем более большая часть населения самого села, в данном случае села Каликина, в начале XVII века, за исключением, пожалуй, тех людей, кто не оставил потомства, должно быть связано прямыми родственными связями с ныне живущим человеком, в нашем случае с Захаром Прилепиным. Хотя те, кто не оставил потомства, были братьями и сёстрами тех, кто потомство оставил. Они, те, чей род пресёкся, тоже имеются родственные связи с ныне живущими людьми. И все нынешние жители села Каликина, чьи предки жили здесь на протяжении столетий, на практике 99% жителей, как не крути, Захару кровная родня. Кто в пятом колене, кто в десятом, кто в пятнадцатом. Жители соседних сёл, и люди, чьи предки веками жили в соседних с Каликино сёлах, в меньшей степени, но тоже приходится ему кровной роднёй. Даже если мужская родовая линия триста лет безвылазно «живёт» на территории одного села, женщины - невесты и жёны из соседних сёл и городов - раскручивают карусель, которая и увеличивает ареал расхождения родовых корней.

Интересный вопрос: кем были первые переселенцы, первые жители тех сёл и деревень? Откуда они пришли, при каких обстоятельствах? Что их заставило куда-то переселяться? Эти вопросы гораздо важнее выявления имён предков, живших триста лет назад. Нужно сказать, что верхнее течение реки Воронеж было уже заселено задолго до строительства оборонительного сооружения, Белгородской засечной черты. Засечная черта, согласно справочникам, - это система оборонительных сооружений, применявшаяся с XIII века и получившая особое развитие в XVI-XVII веках на южных границах Русского государства. Она использовалась для защиты от нашествий, в частности крымских и ногайских войск и отрядов, а также в качестве плацдарма при наступлении на противника. Строительство, если считать со всеми изгибами восьмисоткилометровой Засечной черты, протянувшейся от Козлова (Мичуринска), через Липецк, Воронеж, Новый Оскол, Белгород и дальше на запад по р. Ворскла до украинской Сумской области, началось в 1635 году и продолжалось до 1658 года. От Козлова на восток в сторону Тамбова тянулась другая Черта, а за ней ещё одна.

В XVI столетии подобное оборонительное сооружение тянулось от Козельска до Рязани. Называлось оно - Заокская засечная черта. Одновременно с Белгородской или чуть позже были возведены Симбирская, Сызранская, Закамская, Изюмская засечные черты. Даже за р. Волгой в районе Царицына-Саратова-Казани строились подобные укрепления. Чем вам не Великая Китайская стена? Только эта стена, эти стены - наши, родные.

Разница есть, конечно. Китайская - на долгие века, и, собственно, до наших дней определила границы Китая. Где стена - приблизительно там же и граница. А наши люди благодаря своим стенам и укреплениям раздвинули границу Российского государства именно до Китая и до Тихого океана. А ещё Китайскую стену посещает в год миллион туристов, а к остаткам валов и насыпей на месте нашей «Великой стены» за такое же время целенаправленно разве что только один-два рехнувшихся краеведа могут съездить. Конечно, на месте нашей стены, гляди не гляди, ничего особенного не углядишь. Но ведь и в каком-нибудь селе под названием Коротояк не

каждый школьник сможет ответить, что за стена или черта и непреступная крепость здесь когда-то находилась, кто её возводил и зачем она была нужна. Про Бетмена и Хеллбоя они вам лучше расскажут, про них хорошо знают.

Белгородский разряд в 1656 – 1708 гг.

	Территория Белгородского разряда в 1658 г.		Леса на Белгородской черте
	в 1677–1678 гг.		Границы отдельных участков Белгородской черты
	Орлов Города-крепости на Белгородской черте		Пути татарских вторжений на территорию России, защищенные Белгородской чертой
	Города Белгородского разряда		Тамбовский вал (за пределами Белгородской черты)
	Другие города		Границы России в конце XVII века
	Укрепления на Белгородской черте: естественные препятствия для татарской конницы		Современная граница Белгородской области
	засеки и надолбы		
	земляные валы		

Итак, крепость в селе Доброе Городище, в десяти километрах южнее с.Каликина, была построена в 1647 году. Тогда же был выделен из Лебедянского Добровский или Добренский уезд, в который входило и село Каликино. Но сёла на берегу р.Воронеж, в том числе и Каликино и соседнее село Доброе и другие ближайшие сёла и деревни образовались раньше, возможно, уже в конце XVI века. Из старинных документов мы узнаём о первых упоминаниях Каликина и Доброго. В 1610 году царь Василий Шуйский за Московское осадное сидение пожаловал Василию сыну Аввакумовову Давыдову по прозвищу Медведь 135 четвертей земли в Добром Городище. В 1607-1608 году по отдельным книгам за Василием Давыдовым в Добром Городище было уже записано 100 четей земли. Тогдашняя мера измерения площади четверть или четь - соответствует приблизительно половине гектара. В 1611 году московским правительством были подтверждены владения Ивана Михайловича Борятинского в Каликиной Поляне 48 четей, пожалованные ему королём Сигизмундом и царём Владиславом, и другие владения Борятинского - 100 четей, что даны ему были при расстриге в Добринском Городище. Владислав Сигизмундович - это 1610 год, расстрига, то есть Лжедмитрий I - это 1605-1606 гг. В 1615 году 12 июля была сделана запись Вкладной книги Новоспасского Московского монастыря о пожаловании в монастырь в вотчину села Доброго Городища с сёлами Ряжского уезда.

"Государь царь и великий князь Михаил Фёдорович всея Руси пожаловал в Дом ко всемилостливному Спасу в Ряжском уезде на реке Воронеже, что с Чудовым монастырём вместе в Добринском Городище, да в селе Ратчине, да в селе Каликине Полянах, в вотчину для своего царского многолетнего здоровья, и по своих царских родителех. А по книгам письма и меры 1613 года Иосифа Секерина да Добрыни Русанова в селе Добринском Городище в Спаской монастырь пашни 155 четвертей, да в Ратчине Поляне 243 четверти, да в Каликине Поляне 644 четверти..."

Обратите внимание, в 1613 году в Каликине имелось более чем 300 гектаров пашни. Не дикого поля, не целины, а пашни. Вероятно, этот достаточно большой земельный надел обрабатывался и до 1615 г., по крайней мере, в 1613 г. О том, что монастыри владели этой землёй в Ряжском уезде раньше 1613 года, сведений не имеется. В 1627 году Доброе и Каликино входили уже в Лебедянский уезд, что подтверждают имеющиеся документы, до этого в Ряжский. Можно предположить, что послужило толчком к дарению московским монастырям земель на берегу р.Воронежа молодым царём в 1615 г. Это был третий год, после окончания Смуты, второй-третий год царствования династии Романовых. Возможно, за поддержку при воцарении влиятельную монастырскую верхушку нужно было отблагодарить, или же шёл активный поиск союзников Романовыми, пришедшими к власти в огромной стране, и у власти ещё не закрепившимися.

У нас имеется документально подтверждённые даты владения землями села Каликина Поляна московскими монастырями. Монастыри владели землями села с 1615 по 1647 год, то есть, 32 года. Очень распространённой, особенно у местных липецких краеведов, является гипотеза, что жители рассматриваемых нами сёл на берегу р.Воронеж были завезены московскими монастырями из московского же региона. Это мнение вполне имеет право на существование. Но документальных свидетельств, подтверждающих эту гипотезу, пока что не найдено, и есть много причин сомневаться в её состоятельности.

Если допустить, что достаточно крупные сёла существовали до 1613 года, что десятки семей обрабатывали сотни гектаров земли, значит, после прихода на эти

земли московских монастырей, которые перевезли сюда крестьян из московского региона, старое население куда-то должно было деться, или его должны были куда-то деть. Это конфликт. Можно допустить, что людей согнали с насиженных мест, и они пошли искать себе новое место под солнцем, это вполне реально. Потом, как-то надо же было монастырю мотивировать крестьян уезжать из родных подмосковных сёл. Это целое событие - такой переезд. Бросить дома, обустроенную жизнь и неведомо куда ехать не каждый захочет, тем более не по своей воле. Для монастыря организовать такой переезд было не самым экономически выгодным предприятием. Хотя, всё возможно, не стоит отвергать такой вариант развития событий.

Другое дело, что из центральных районов крепостные крестьяне сами уходили от помещиков, сами решались на переселение в южные плодородные земли. В.П. Загоровский приводит в книге "Белгородская черта" данные очень интересного исследования: *"А.А. Новосельский тщательно изучил движение крестьян в район полевых городов. Он проанализировал 546 случаев крестьянских побегов на южную окраину в 10-20-х годах 17 в.... Эти крестьянские переселения были, как правило, хорошо подготовлены. Крестьяне уходили семьями, со всем хозяйственным имуществом, со скотом. На юг уходили не бедняки. "В составе беглых, - пишет А.А. Новосельский, - мы видим крестьян разного экономического состояния - от рядовых до самых крепких и зажиточных; беднейших элементов деревни мы здесь не видим"*. Возникают вопросы, зажиточные крепостные и крестьяне-середняки уходили от помещика не скрываясь или всё-таки тайком? Имел ли помещик возможность воспрепятствовать уходу крепостных?

В "Белгородской черте" В.П. Загоровский приводит очень интересные для нас факты заселения в начале XVII века соседних с Добрым и Каликино земель: *"Сравнительно спокойным районом оказалась и юго-восточная часть Лебедянского уезда, занимавшая территорию между Доном и Воронежем... На эти земли устремились крупные феодалы. Ещё в конце 16 века большая территория между реками Доном и Воронежем стала владением бояр Романовых... в 1613-1628 гг... приказчики боярина И.Н. Романова вывозили крестьян от мелких помещиков, другие крестьяне сами шли к крупному феодалу, особенно из разорённых польскими интервентами районов"*. То есть, существуют документы, показывающие механизмы заселения крупным феодалом своих земель, расположенных в тридцати километрах южнее Каликина и Доброго. Резонно допустить, что при заселении Каликиной Поляны могли работать подобные же механизмы.

Достойна нашего внимания ещё одна выдержка. Она показывает, что в разорённой войнами и смутой стране не только крепостные уходили в южные земли государства: *"Летом 1636 г. был объявлен в южных городах царский указ с призывом к "вольным, охочим людям" идти в Козлов и Тамбов, причём воеводы могли принимать на службу в новые города, кроме "вольных людей", тех крепостных крестьян, которые раньше были служилыми людьми: детьми боярскими, казаками, стрельцами и оставили службу после 1613 года. Этот указ открывал легальные возможности выхода из (крепостного) крестьянства группе бывших мелких служилых людей юга, разорённых польско-литовскими интервентами в 1613-1618 гг. или татарами и ушедших в крестьянство "из-за бедности". А.А. Новосельский справедливо отметил неопределённость формулировок указа, который был воспринят крестьянским населением чуть ли не как царское разрешение на выход из крепостной зависимости"*. Получается, что мелкие служилые люди безбоязненно шли в крепостные во время и после смуты, что между служилыми людьми и

крестьянами тогда не было сословной пропасти, кастовой непреодолимой стены. Вообще, прослеживается какое-то легкомысленное отношение широких слоёв населения к крепостничеству к перспективе на всю жизнь оказаться в кабале у помещика и на века сделать несвободными людьми своих потомков. Видимо, никто не мог предположить, что однажды наступит «золотой век Екатерины» и помещик для крестьянина станет и судьёй, и карательной системой, а крестьянин для помещика - практически собственностью.

Нельзя всё мешать в одну кучу - крепостное право начала XVII века (и не только начала, всего века) очень сильно отличалось от крепостного права века XVIII, особенно второй его половины. Кроме того, после десятилетий войн и смуты крепкая власть и крупное «предприятие» в лице новоприбывших монастырей должно было только обрадовать местных аборигенов, тех, кто обосновался на берегах Воронежа на плодородных полях ещё до прихода монастырей. Вдобавок, монастыри заманивали, зазывали, приглашали желающих крестьян на эти земли, и крестьяне с охотой шли к крупному феодалу, рассчитывая на надёжность крупного работодателя, на его способность защитить своего крестьянина в сложной ситуации, в конце-концов на богатство монастыря. Так в послевоенное советское время люди с радостью устраивались на крупные государственные предприятия, чаще выбирая именно такого работодателя. Показательно, что согласно документам 1627-1628 годов, которые я нашёл в альманахе "Исторический квартал" Выпуск 3/2013, в частности документу «1627-1628 гг. ... – Писцовая и межевая книга города Лебедяни и Лебедянского уезда...», монастырские крестьяне с.Каликина Поляна не бежали, не оставляли своих дворов. На сто дворов в Каликино только два двора были пустыми. В тех же краях в те же годы во владениях князя А.Н. Трубецкого в починке Ситов половина дворов пусты. В документе говорится, что крестьяне и бобыли выбыли из починка А.Н. Трубецкого с 1625 по 1627 год, то есть за пару лет. Значит, монастыри сумели создать привлекательные для жизни крестьян условия. Нужно понимать, что не только землевладельцы-феодалы в тот момент нуждались в крепкой самодержавной власти. Простой люд устал от смут, войн и набегов степняков, и, скорее всего, приход крупных московских монастырей имеющимся местным населением был поначалу, сразу после смуты, воспринят как благо. И установление крепкой царской власти тоже.

Очень интересно рассмотреть взаимоотношения крестьян, бежавших от помещиков на юг на территорию современного Черноземья, и их бывших помещиков. Это иллюстрация свободолюбия крестьян, отсутствия в те времена у крестьян раболепия по отношению к феодалу. Здесь речь пойдёт о середине XVII в., о заселении Засечной черты. Об этом времени сохранилось достаточно много документов. Но эти документы должны объективно отображать происходящее и в самом начале XVII в., при заселении приграничного Дикого поля во время Смуты и сразу после Смуты. В.П. Загоровский в "Белгородской черте" пишет:

"Беглый крепостной крестьянин из центральной России, побывав год-два в казаках, считал себя уже вольным человеком и мог поступить на службу в южные города. Воеводы новых городов, испытывая большой недостаток в людях, приглашали казаков на службу, наделяли их землёй, жалованием. Всё это поощрялось правительством". Также профессор Загоровский отмечает, что в новые города на черте устремились и мелкие служилые люди, и холопы, и крепостные. *"Так, крестьяне вотчины О. Сукина из Новосильского уезда, все до одного человека "покиня свои жеребья..., записались в вольные люди".*

Загоровский отмечает, что нередко беглые крестьяне расправлялись со своими бывшими помещиками: "... они, государь, детей боярских, за кем живали, побивают и многих грабят, и дворы их и гумна зажигают". И ещё: "Получившие оружие крестьяне, совместно с частью приборных служилых людей, спешили расправиться с ненавистными им помещиками. Характерно, что крестьяне выступали в первую очередь против собственных помещиков ("за кем живали)". Подобные взаимоотношения не были чем-то из ряда вон выходящим. Классовая борьба то затухала, то разгоралась с новой силой.

Очень показателен ещё один документ, хранящийся в РГАДА в фонде Поместного приказа (ф. 1209, Столбцы вотчинной записки, № 18911/81, лл. 29-32 об.). В начале 80-х годов XVII века, гораздо позже полной отмены урочных лет, московские дворяне, стольники и стряпчие писали юным царям Ивану и Петру Алексеевичам:

"В прошлых, государи, розных годех и в нынешнем во 191 (1683г) году в розных месяцах и числах из сел наших из деревень многие наши крестьяне от нас, холопей ваших, збежали з женами и з детьми и со всеми животы, разори и пограбя домишки наши вконец, в ваши, великих государей, украинныя города по черте и за черту – в Шацкой, в Ламов, на Пензу, в Танбов, в Казлов, на Воронеж, в Костенской, на Урыв, в Коротояк, в Острогосжской, на Усерд, в Верхососенья, на Корочю, на Обоянь, в Хотмыской, в Старой и в Новой Осколы и в ыные украинные города. Живут в тех городех там наша беглая крестьяне домами в ройтарах и в копейщиках и в детех боярских, поймав себе многая поместья, проложя себе иные имена и прозвища. И по тем украинным городам воеводы для своих корыстей тех наших крестьян беглых и людей, взяв с них, во всякие службы пишут. А из тех украинных городов беглые наши крестьяне во[ро]вские свои замыслы всякие на нас умышляют и чинят, и к нам в села наши и в деревни воровством приезжают и приходят, села и деревни жгут и разоряют и крадут, а иных крестьян наших подговаривают и сводят и насилу, приехав многолюдством, крестьян наших сводят. И от того их воровства села и деревнишки наши многая разорились и запустели. И которые крестьянишка наши у нас, холопей ваших, остались, и те от ваших, великих государей, подотей всяких по грамотам воеводы правезжом разорили и изтощены. И те наши беглые крестьяне от того наказанья не унелись, збежали от нас, холопей ваших, не по одно время – по двожды и по трожды в Танбов и в Козлов и в ыные те украинные города. И мы, холопи ваши, проведав тех своих беглых крестьян, сами ездим и людишек посылаем, воеводам по тем города бьем челом. И воеводы для своих корыстей с подьячими крестьян наших беглых укрывают всячески по селам и деревням и нам, холопом вашим, беглых наших крестьян не отдают для своих корыстей".

Такая вот поэма о классовой борьбе, о наказании за оскорбления, унижения и преступления. Привет тебе, Робин Гуд. Привет тебе, Дубровский, изначально не имевший ни единого шанса на успех. Как же сильно крестьяне XVII века отличаются от крепостных, описанных в произведениях классиков - ломающих шапку и гнущих спину.

Тут необходимы пояснения, небольшая историческая справка. Рейтары - это тяжелая кавалерия, практически рыцари в латах. Копейщик - это всадник вооруженный копьём и пистолетом. В копейщики брали лучших людей, в том числе и по происхождению. Копейщики считались элитой войска. Дети боярские - это служилые люди, наделённые поместьем. Именно они в допетровской России составляли основную силу в русской армии, в особенности на южном направлении.

Вот что по этому поводу пишет специалист по генеалогии и исследователь Белгородской черты С. В. Фурсов: *«Дословно понимать термин «дети боярские» не приходится, в стародавние времена «детьми боярскими» (а также «молóдшими», «младшими») именовался более низкий по рангу состав княжеской дружины. Фактически же, дети боярские – это определенное сословие, существовавшее в феодальной Руси в XV-XVIII веках. К XVI веку дети боярские находились гораздо выше многих представителей зарождающегося класса дворян по родовитости и по привилегиям службы. Так, например, «дети боярские дворовые» когда-то составляли дворы удельных князей. К началу XVIII века подавляющее большинство служилых людей из детей боярских стали однодворцами, а с 1830-х годов – государственными крестьянами. При этом лишь небольшая часть детей боярских смогла выбиться в дворянство. Самую нижнюю ступеньку в лестнице чинов служилых людей по отечеству занимали так называемые «дети боярские городовые». Ещё одну группу кроме «служилых людей по отечеству» составляли «служилые люди по прибору» – стрельцы, казаки, пушкарки, затинщики, ворóтники, позднее – драгуны и солдаты. Они вербовались, или как тогда говорили «прибирались», на службу из различных слоев населения».*

Кстати до середины XVII века служилые люди по прибору к рейтарской службе не допускались, рейтарами могли быть только служилые люди по отечеству. Во второй половине XVII века, когда непрерывно велась борьба с Крымским ханством, когда шла подготовка к вхождению Левобережной Украины в состав России и катастрофически не хватало служилых людей, у царя Алексея Михайловича Романова уже не было возможности соблюдать закостенелые традиции. Вот так вчерашние крепостные превратились в рыцарей, закованных в латы, скачущих на боевых конях, да ещё и с огнестрельным оружием в руках (помашем шляпами Вальтеру Скотту и его героям). Однако, не нужно думать, что любой воевода всегда принимал беглого крестьянина с распростёртыми объятями и закрывал глаза на его побег. Нет, принимал только тогда, когда был ощутимым недостаток в служилых людях. Когда дефицита в людях не было, воеводы содействовали поимке беглых крепостных. Более того, они даже устраивали показательные экзекуции и казни.

Рассматривая фамилии и прозвища монастырских крестьян - первых жителей Каликина, Доброго, ещё одного соседнего села с милитаристским названием Ратчино и других ближайших "монастырских" сёл в самом раннем из имеющихся документов «1627-1628 гг. ... – Писцовая и межевая книга города Лебедяни и Лебедянского уезда...», стоит обратить внимание на то, что среди прозвищ крестьян Саблин, Кузнецов, Востриков, Пшеничный, Овчинник, Портной, Бочар, Коновал, встречаются прозвища этнического (Татарин, Литвин) и топонимического происхождения - Мещеряков (многократно в разных сёлах), Елифанец (многократно в разных сёлах), Мещеринов. В Каликино записан Митька Москаль. Один Москаль на сотню каликинских семей говорит скорее о том, что "москалей", москвичей в этих краях было не очень много, почти не было, иначе какой смысл было давать Митьке или его предку такое прозвище - оно бы никак его не выделяло среди остальных каликинских "москалей". Всё-таки вызывает сомнения версия с московским монастырским населением. Но документальных свидетельств недостаточно, чтобы делать окончательные выводы.

В одном из давних интервью Захар Прилепин сказал, что он чувствует связь своих предков с донским казачеством Степана Разина. И он в чём-то прав: в южные плодородные края переселялись отважные и свободолюбивые люди. Они не просто

переселялись, они совершали поступок, обдуманно меняли свою обустроенную жизнь в центральных районах, возможно шли с кем-то на конфликт - с бывшим помещиком или с властями, например. Переселяясь, они должны были осознавать опасность набегов степняков. И всё-таки эти наши пионеры чернозёмных степей решались на шаг в неизвестное. А ещё они стремились к воле. Вечное русское стремление к воле с каждым годом дальше и дальше отодвигало границы русской земли от столицы - именно оно, и в гораздо большей степени, чем амбиции царей. Оно же до Тихого и Ледовитого океана русских людей довело. Тридцать лет жизни под монастырём не должно никого вводить в заблуждение. Это были совсем не те крепостные, стереотип о которых засел в нашем сознании. Тем, стереотипным, государево ружьё в 1647 году никак не попало бы в руки.

Теперь перейдём к именам, фамилиям и родственным связям. Собственно, основная тема статьи - новые данные в родовом генеалогическом древе писателя Захара Прилепина. За два года, после публикации статьи "Однодворцы Прилепины" было найдено много интересного. Во-первых, удалось связать Андрея Прилепина из первой ревизии 1722 года с Алексеем Прилепиным, ходившим в Крымские походы в 80-е годы XVII в. и с отцом Алексея Иваном Федотовым Прилепиным. Во-вторых, проработана ветвь Востриковых, отходящая от ветви Прилепиных в XVIII в., также ветвь Востриковых удалось документально увязать с Востриковыми середины XVII в. В-третьих, есть серьёзное продвижение с ветвью Нисифоровых. Эта ветвь не каликинская, в неё входят предки писателя по материнской линии. В-четвёртых, проработана небольшая ветвь Филиповых отходящая от Прилепиных в начале XVIII в.

* * *

Вот новое дерево на сотню персон без двоюродных и троюродных, только родные с женами. Исключение сделано только для новых найденных. В основном это Филиповы. Не у каждого потомственного дворянина есть настолько подробное генеалогическое древо:

<http://pereformat.ru/wp-content/uploads/2020/01/prilepin-tree.png>

С Прилепиными всё очень интересно. Нашёл документ РГАДА, ф. 210, д. 2030. Сказки добренских солдат 1697 года, лист 374, в котором говорится, что:

"...села Каликина отставной драгун Иван Федотов сын Прилепин... в прошлом во 7195 (1687) году от драгунской городской службы за старостью отставлен.

У меня четыре сына:

Алексей - в салдатех, а ныне он на службе великого государя в Озове

Андрюшка, Стенька, Антошка - всевозрасте".

Во второй ревизии с.Каликина за 1745 год записано:

"Алексей Иванов сын Прилепин и его сын Иуда (распространённое библейское имя) - померли".

В с. Борисовка во второй ревизии за 1745 г:

"Семен Андреев сын Прилепин, у него сын Степан - "Оные перешед жительство имеют в Добринском в селе Каликине". То есть, Семён Андреев жил в селе Борисовка у зятя, а после смерти дяди вернулся с семьёй в дом деда в Каликино.

В Крестоприводной книге 1682 года - Прилепин только один, а именно: *"...добрены дети боярские городовоу службы... села Каликина ... Иван Федотов сын Прилепин"*. В документах 1657 и 1675 гг. в селе Каликино и в Добром городе Прилепиных нет. Самый ранний из установленных предков Захара по прямой мужской линии Федот родился в первой половине XVII в. Возможно, Иван Федотов Прилепин - не первый носитель своей фамилии. Вполне возможно, найдутся и более ранние Прилепины, предки Ивана Федотова. В середине XVII в. в одном из городов от поля, в ста километрах от Каликина встречается фамилия Прилепин. А вдруг это не случайное совпадение? Вдруг удастся установить родство Прилепиных из разных мест? Посмотрим.

О Востриковых. В девичестве бабушка писателя Мария Павловна, тоже носила фамилию Вострикова. Ветвь Востриковых и Кузнецовых XX века перспективны для исследования. Но нам удалось продвинуться в исследовании других Востриковых, без сомнения восходящих к тому же предку, что и линия Марии Павловны. У Евдокима Степанова Прилепина, предка Захара по прямой мужской линии в девятом колене, жившего в XVIII в., жена - Мария Герасимова в девичестве носила фамилию Вострикова. Изучив документы 1762, 1745, 1721, 1716, 1710 гг. РГАДА ф. 350 и различные документы 1700, 1689, 1682, 1675, 1657 гг, удалось найти Герасима, Максима, Ивана, Матвея и Василия. Самый ранний документ от 1657 г. "Списки служилым людям и строению Добраго Городища 166 году и 7168, Козлова 172 году и 178" гласит: *"село Каликино... Матфей Васильев сын Востриков на лошади з государевым ружьем. У него сын Максимко 12 лет"*.

Вот вам первое задокументированное родовое прилепинское ружьё. Увесистое, наверное, было. Сталь ствола щеку холодила, если прильнуть.

В мае 1682 г. сын боярский городовоу службы Чудовой сотни с.Каликина Иван Матвеев сын Востриков был приведён ко кресту. И полковой службы солдат юный Иван Иванов Востриков тоже был приведён ко кресту. То есть они вместе с другими добренцами (вместе с Иваном Федотовым Прилепиным) присягнули юному царю Петру.

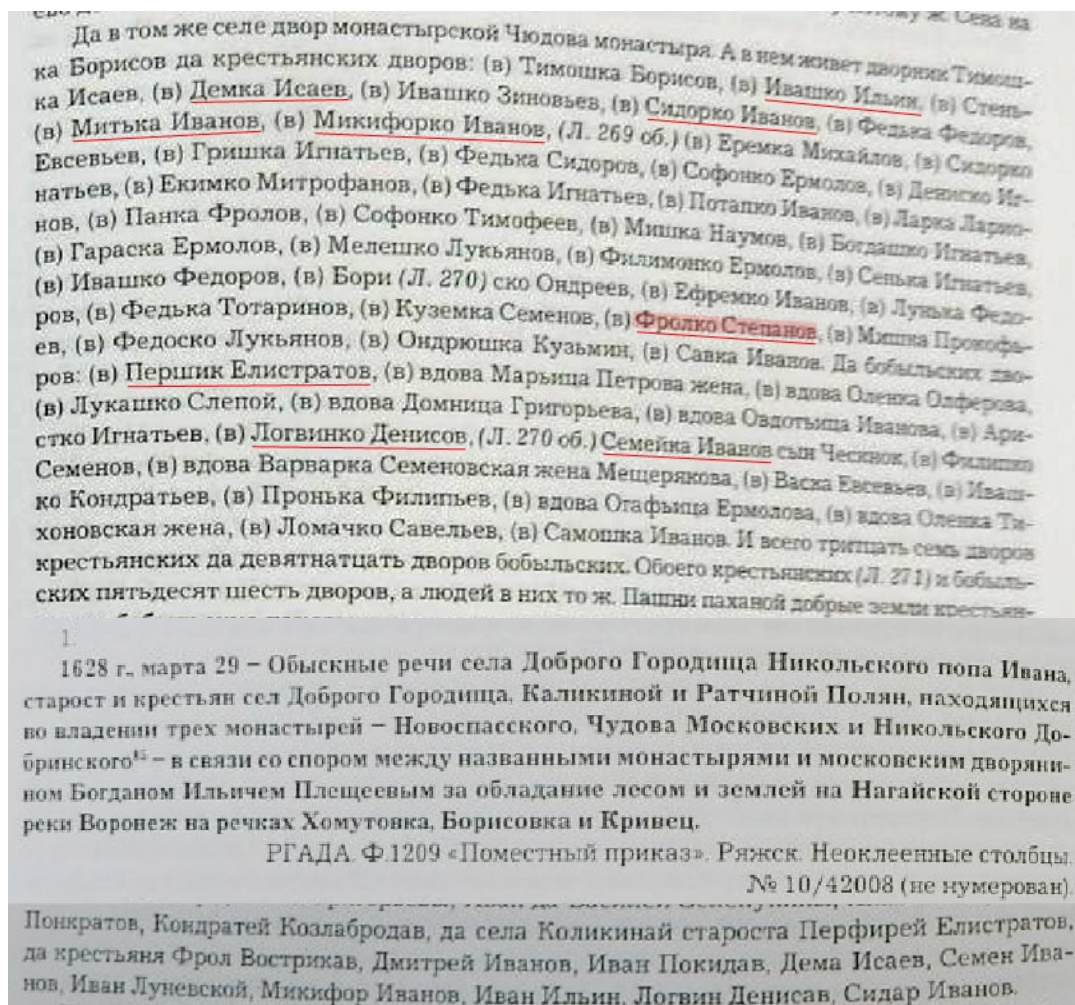
"Книги крестоприводные Добравагорода л. 281

"Лета 7190 году мая в ... день по государеву цареву и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца указу и по наказу каков дан из розряду за дьячьёю приписью стольник Тимофей Устинович Хрущов приехов в Доброе привел ко кресту в Добром в саборной церкви по чиновной книге воеводу Картеля Руднева да добренцов детей боярских полковые и городовые службы..."

Через два месяца те же самые служилые люди Доброго города принесут присягу царям Петру и Ивану. Начнётся затяжная шахматная партия противоборствующих московских боярских кланов. Закончится она единоличным воцарением Петра, гонениями на Василия Голицына, Софью, стрельцов. Но речь не об этом.

Найти документы, связывающие каликинцев Василия Вострикова из документа 1657 года и Фрола Вострикова из документа 1627 года и с Понкраткой Фроловым Востриковым и с Филкой и Ивашкой Понкратовыми Востриковыми из документа 1646 года пока не представляется возможным, но связь между ними очевидна - все они каликинцы, носители нечастой фамилии. Также нет сомнений, что Фролко Степанов из списка каликинских крестьян Чудова монастыря 1627-1628гг и Фрол Вострикав из документа от 28 марта 1628 года, составленного в связи со спором

между Новоспасским, Чудовым, Никольским Добринским монастырём и московским дворянином Б.И. Плещеевым, - это одно и то же лицо, так как все без исключения другие десять крестьян, упомянутые в документе о тяжбе монастырей и дворянина Плещеева, присутствуют в списке каликинских крестьян Чудова монастыря. Среди каликинских крестьян Чудова монастыря Иваны, Покидав и Лунёвский, указаны без прозвищ, но всё таки Иваны указаны.

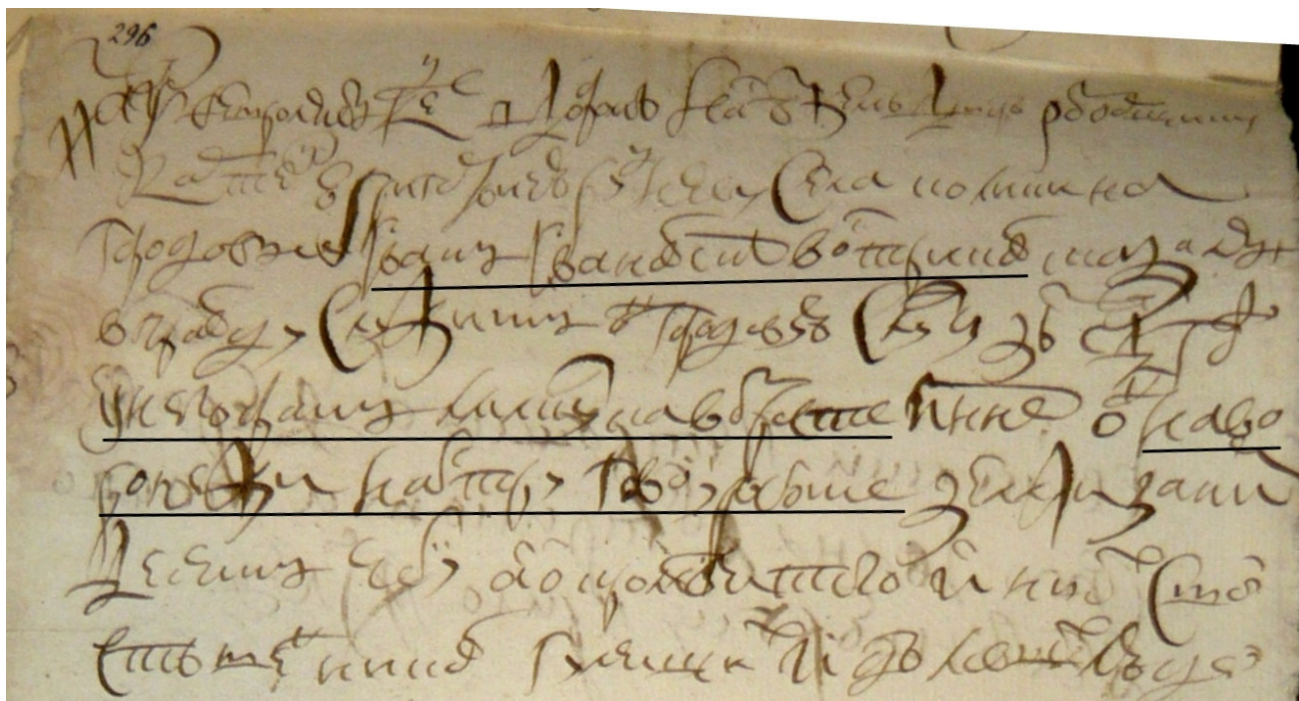

Таким образом Степан, отец Фрола Вострикова, бесспорно родился в XVI веке. Если удастся найти всех Востриковых XVII века, связывающих Фрола и Василия Вострикова, то самый древний корешок родового генеалогического древа Захара Прилепина, основанного исключительно на документальных данных, потянется к нам из времён Бориса Годунова, если не Ивана Грозного. Востриковы в документах второй половине XVII века всегда отнесены к Чудовой сотне, а Фролко Степанов Востриков в документе 1628 года находится в списке крестьян Чудова монастыря.

Что интересно, в селе Каликино до сих пор живут Татариновы, Чесноковы, Мещеряковы, соответственно Востриковы и Кузнецовы, Покидовы, Москалёвы, Морозовы, Труновы, Кочетовы, Овчинниковы. Представляете, четыреста лет сидят на одном месте - в 1628 году они там жили и до сих пор они там. А ещё приводит в восторг то, что редкие, даже экзотические фамилии конца XVII века - начала XVIII века каликинцев, например фамилия Цвилёв или Материкин, которые в наше время в с.Каликино не встречаются, разлетелись по всей стране от Дона до Хабаровска и Владивостока. Так и заселялась наша страна - однажды человек собрал пожитки и

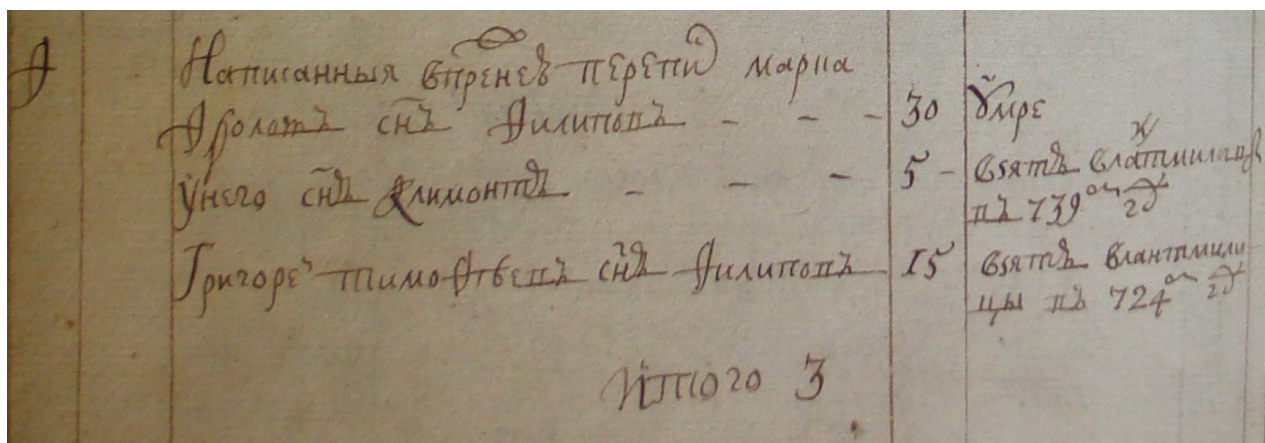
ушёл и осел где-нибудь в пятистах километрах от дома, а его внуки ставили срубы уже в двух тысячах километров от дедова родового гнезда, а их внуки до Тихого океана дошли.

Про Востриковых есть ещё кое-что интересное. В документе РГАДА ф. 210 д. 2401 от 1700 г. сказано, что родной брат прямого предка Захара Михаил Иванов сын Востриков ныне находится в Воронеже на струговом деле.

Вот так. Брат Мишка практически стоял у истоков создания российского военного флота, доски стругал для самых первых кораблей Петра, и для самых первых его морских побед. Но струговое дело существовало в Добром и при царе Алексее Михайловиче - у него были свои струги и ладьи. В 1696 году, когда Пётр Алексеевич завёл своё струговое дело, добренцы для Воронежа корабельный лес и смолу готовили и доставляли. А ещё люди были отправлены царём из Доброго в Воронеж на новые царёвы верфи. Сам царь Пётр провёл несколько месяцев безвыездно на только что созданной Воронежской верфи.

Ища Востриковых из ветки XVIII века, удалось также продвинуться с линией Филиповых. Она отходит от линии Востриковых XVIII века. Рассмотрены различные документы РГАДА ф. 350. Филиповых у нас четыре колена Марфа, Григорий, Тимофей, Иван. Кроме того, есть жена Тимофея Аграфена, его же дочь Акилина, сын Григория Андрей, брат Григория Фрол с многочисленным потомством. Григорий Тимофеев взят в ландмилицию. Кроме имён, мы получили ещё одну новую тему, достойную изучения. Ландмилиция - это что-то вроде народной армии или ополчения в XVIII века. Можно сказать, что Захар Прилепин, в недавнем прошлом милиционер и омоновец, является продолжателем многовековой семейной традиции. Интересно то, что в ландмилицию порой записывали уже в раннем детстве. И ещё то, что взятые в ландмилицию писались в Ревизских сказках наравне с умершими и бежавшими. Видимо это связано с тем, что все выбывшие прекращали платить налоги государству в данном селе.

Григорий Тимофеев (из ландмилиции), судя по всему, рано лишился отца. Старейшина рода Филиповых Иван родился в 1660 г. В 1710 г. ему 50 лет. В крестоприводной книге 1682 года Филиповы встречаются в Богородском и Панино. Других Филиповых в Добренском уезде, вернее, в Добренском полку нет. Случайно так совпало или это родственники Ивана - неизвестно. Может быть, позже это удастся установить. Если Богородские Филиповы окажутся родственниками Ивану, то этот факт проиллюстрирует расхождение корней генеалогического древа в соседние селения. Хотя мужской род Прилепиных тоже является пришлым в селе Каликино, да и Страховы из третьей ревизии в более ранних документах в Каликино не встречаются. То есть, с расхождением корней у предков Захара было всё хорошо.

Появления двух новых, интересных для изучения тем - ландмилиции и стругового дела - это закономерное явление. Опытные специалисты по генеалогии подтвердят, что, если, при проведении исследования, удаётся раскопать 10-20 предков из XVII - начала XVIII вв., то окажется, что один из них был драгуном, другой рейтаром, кто-то пушкарём, кто-то солдатом, кто-то владел грамотой, кто-то был священником, кто-то оказался сыном боярским по отчеству, то есть потомком дружинника удельного князя времён Куликовской битвы, кому-то поручено было важное государево дело и об этом имеется документ. Чем о большем количестве предков мы узнаём, тем полнее, многоцветней и ярче вырисовывается перед нами историческая картина, на которой находится место нашим прямым пращурам.

Очень интересное исследование было проведено совместно со Светланой Карнауховой. Были найдены предки писателя Захара Прилепина по материнской линии, по линии Татьяны Николаевны Прилепиной, в девичестве Нисифоровой, до одиннадцатого колена. И был найден родоначальник фамилии Нисифоровы Нисифор Сидоров, живший в окрестностях рязанского Скопина в XVIII веке в селе Казинка. Был даже найден дед Нисифора Леонтий. В Казинке прошло детство самого Захара. В XIX веке и в конце XVIII в Казинке располагался государственный конезавод и предки писателя, государственные крестьяне, а ранее крепостные царя, были к заводу приписаны и на нём работали. Завод был самым настоящим крупным стратегическим военным предприятием своего времени. Историю Скопина, Казинки и других соседних сёл подробно, обстоятельно, аргументировано с отсылкой к соответствующим архивным документам описал замечательный краевед В.А. Коростелёв. Здесь о Казинке: <https://62info.ru/history/node/4976>

Теперь хотелось бы поговорить о солдатах. Юный Иван Иванов Востриков (родной брат предка Захара), упомянутый выше, был записан в солдаты и приносил присягу юному же царю Петру. Первые служилые люди Доброго города не были

солдатами, они были в основном драгунами и служили сторожевую службу. Солдаты ходили в походы, как и позже драгуны, но не будем вдаваться в тонкости устройства российской армии XVII в., речь не об этом. В середине XVII в. в обязанности драгун, вчерашних каликинских монастырских крестьян, входила гарнизонная служба, служба в сторожевых постах, преследование врагов и схватки с ними, а также строительство укреплений. Служилым людям давался надел земли для кормления. Рядовым служилым полагалось по 20-30 гектаров земли. У "лучших" людей надел был в разы больше. У рядового служилого человека жилой дом был площадью 70 м². И по сегодняшним меркам неплохо, не так ли?

Загоровский пишет: *"Приборный служилый человек мог хорошо выполнять военную службу, выплачивать натуральные налоги и кормить семью тогда, когда у него "во дворе" были другие взрослые мужчины - сыновья, родственники, которые работали на пашне во время его отсутствия"*.

Так, прямой предок Захара Иван и его сын Алексей Прилепины, о которых речь шла выше, были драгунами, в походы ходили, а другие сыновья Ивана, в том числе Андрей, прямой предок Захара, видимо, работали на пашне. Начиная с 1653 года, правительством создаются солдатские полки. И такая привлекательная для огромной массы рядовых приборных служилых людей система, созданная правительством, тем же самым правительством и была изменена до неузнаваемости. От привлекательности мало что осталось. Для войн и походов в солдаты принудительно начали призывать взрослых мужчин-пахарей, членов семьи служилых людей. Не всех пахарей из семьи в солдаты забирали, но многих. Служилые люди, не мирясь с нововведениями - *"на смотрах детей своих и братьев таили"*. Зачастую солдатам и жалования не платили, по крайней мере, регулярного. Солдату давали свой земельный надел, который тот не имел возможности обрабатывать, находясь в многомесячном походе. В итоге и драгуны с семьёй, и новопризванные солдаты оказывались на грани разорения и под угрозой голода. В те же самые годы правительство увеличило налоги и поборы, и со служилых людей в том числе. Плюс ещё и афёра правительства с медными деньгами, теми, что в 60-е годы обесценились, дала о себе знать и очень сильно сказалась на благосостоянии простых служилых людей. К тому же строительные работы на Черте порой были очень тяжёлыми.

Такое положение дел приводило к волнениям на местах и к массовому бегству приборных служилых людей на Дон в казачьи городки, туда, *"где без бояр живут"*. Воронежский воевода в документе от 1658 г. конкретно указывает, что: *"Федька Степанов збежал на Дон, Степанка Васкин сошел на Дон, орловских драгунов дети збежали на Дон"*. Видимо, не случайно именно в этот год бежали - как и в 1653, в 1658 г. шёл крупный набор родственников служилых людей в солдатские полки. Василий Шукшин в романе "Я пришёл дать вам волю" ни слова не пишет о Белгородском или о других засечных укреплениях. Но, описывая думы казаков в походе о малой родине, Василий Макарович упоминает города засечных черт - Тамбов и Воронеж, наряду с Москвой, Вологдой и другими северными городами. Историкам, занимающимся происхождением донских казаков должно быть виднее, но ушедшие с Черты вооруженные и обученные военному делу люди, с боевым опытом, да ещё и на коне, вероятно играли серьёзную роль в формировании боеспособного казачьего войска донцев. Вот вам ещё одна очевидная связь между драгунами, жившими на Белгородской засечной черте, предками Захара Прилепина в том числе, и донским казачеством и с войском Степана Разина.

Имеется одна поразительная, невероятная подобная связь. Интересный фрагмент есть в книге Загоровского: *"Осенью 1670 г. разинцы сравнивали по значению Коротояк (крепость на черте южнее Воронежа) с Азовом. "Каков нужен казаком Озов, таков де нам ныне Коротояк", - говорили в сентябре 1670 г. разинский атаман Фёдор Колчев и его товарищи."*... *"Разинский атаман Фёдор Колчев, сыгравший большую роль в организации восстания в районе Белгородской черты, является интересной и, на наш взгляд, типичной фигурой среди руководителей движения. Он происходил из крестьян, вырос на Белгородской черте, был драгуном в Добровском уезде, затем копейщиком в Белгородском полку. За пять лет до восстания он ушёл на Дон... в 1670 г. сразу же присоединился к Степану Разину, участвовал во взятии Царицына и Астрахани, в сражении под Чёрным Яром... 7 августа 1670г. Ф. Колчев находился в составе трёхтысячного отряда, направленного Степаном Разиным к Дону. Интересно, что Степан Разин лично провожал этот отряд "от Царицына в степь 6 вёрст". На Дону, в Панишине-городке, атаман Я.Гаврилов "выбрал" Фёдора Колчева и казака Фёдора Агеева (в прошлом жителя Козловского уезда) для важного поручения. В верховых казачьих городках Ф.Колчев и Ф.Агеев должны были от имени Степана Разина набрать "охочих вольных людей", а затем подойти с отрядом к Белгородской черте и завязать сношения с полковником Острогожского черкасского полка Иваном Дзиньковским".*

Колчев пошёл на Черту чтобы *"мирских кравативцев вывадить"*. Сношения с черкасами были установлены и в августе-сентябре 1670 г. разинцами вместе с черкасами были захвачены стратегически важные крепости на Черте - Острогожск и Ольшанск. Воеводу захваченной крепости Острогожск кругом решено было *"посадить в воду"* (утопить), как тогда выражались *"за то, что мир выел"*. В дальнейшем восстание потерпело поражение. Колчев был казнён в Москве на Болоте. Агеев и Дзиньковский тоже были казнены. Нужно обратить внимание на то, что в 40-60 гг. отряд добренских драгун состоял всего лишь из одной тысячи человек. О количестве предков Захара Прилепина в рядах добренских драгун см. выше. Много их там было, десятки, как минимум, может, и целая сотня. Один есть документально установленный. Можно сказать, что для кого-то из добренцев, предков Захара Прилепина, разинский атаман Фёдор Колчев был другом, сватом, братом, хотя бы троюродным.

Черкасы тоже достойны нашего внимания. Это те самые чубатые казаки со страниц романа Н.В. Гоголя "Тарас Бульба". На черте, особенно в южной её части, черкасов было много. Они - в значительной степени предки нынешних белгородцев и воронежцев. В северной части Черты они тоже встречались.

Профессор Загоровский подчёркивает важную роль служилых людей Белгородской засечной черты в восстании Степана Разина и важность взятия крепостей на Черте для самого Разина. Другие советские профессора истории из Белгорода, Тамбова и Воронежа были согласны с В.П. Загоровским. Согласился даже один советский академик, которого восхищала сама возможность заселения Дикого поля. Но в общественном сознании стратегическая важность строительства Засечной черты, перегородившей шляхи и сакмы крымских и ногайских татар в XVII в. должным образом не оценена. Более того о Черте в широких кругах населения и в советское время мало кто знал, и сейчас она почти забыта. Поэтому совсем не случайно Черта не упомянута в романе В.М. Шукшина "Я пришёл дать вам волю". В замечательном важнейшем романе А.Н. Толстого "Пётр Первый" о Белгородской черте, тоже нет ни слова. Хотя в нём есть описание Крымского похода В.В. Голицына

и Азовского похода Петра, в которых, на самом деле, служилые люди с Засечной черты составляли заметную часть, минимум четверть, а то и больше. Более того, у Алексея Толстого в романе присутствует термин "однодворцы" в описании Крымских походов Голицына. Это явная ошибка. Термин "однодворцы" был введён в десятые годы XVIII в. До этого были "дети боярские" и "служилые люди по прибору". А ещё А.Толстой проводит в романе мысль, что до Петра Россия была сонным азиатским болотом, и что только Пётр её разбудил и вздыбил. Всё не совсем так. Всё совсем не так.

При Алексее Михайловиче Романове происходили величайшие для судьбы страны события. Самого царя можно было бы назвать спорной и противоречивой фигурой - Аввакума погубил, афёру с медью затеял, урочные лета отменил - если бы не тот факт, что в результате он оказался блестящим победителем во всех своих войнах, битвах и сражениях. Правдами, неправдами, хитростью, жестокостью, незаурядным умом, заключая временные союзы, играя на противоречиях, но он смог и Речь Посполитую победить, и Крымское ханство с их турецкими союзниками, и западных, андрийского толка, запорожцев и черкасов оставил ни с чем, и страшного своего внутреннего врага Степана Разина одолел. Это перечисление побед, а не достижений царя, если что. На востоке, в Сибири были свои победы. Он смог увлечь и заставить своих подданных трудиться и воевать в царских интересах и в интересах феодального государства, действуя тонко: то ущемляя интересы феодалов в пользу широких масс, то беря за горло широкие массы и жестокими репрессиями добиваясь своего. "Кровавый Сталин" своего времени - ни дать, ни взять. Он побеждал, не имея огромных ресурсов, ни финансовых, ни людских, только лишь гроссмейстерским стратегическим мышлением, твёрдостью, умом, волей.

У Алексея Михайловича Романова был замысел - обезопасить южные рубежи русского государства - в иные годы до десяти тысяч русских людей в год погибало и угонялось в плен. Это обескровливало страну. Нужно было что-то решать. Задача была трудновыполнимой, но царь добился своей цели. Не обезопасив южные рубежи, невозможно было ни воевать с поляками за тот же Смоленск, ни присоединять Левобережную Украину, ни пытаться ослабить Крымское ханство. В.П. Загоровский подчёркивает неразрывную связь окончания строительства важнейших участков Белгородской засечной черты к 1653 году, в частности окончательного перекрытия Кальмиусской дороги, последнего открытого на тот момент крупного шляха на пути из Крыма в Центральную Россию, с созывом Переяславской рады. Напоминаем, что и многотысячный набор в солдаты из семей служилых людей Белгородской черты производился в том же самом 1653 году.

Это не было случайным совпадением - начиналась большая война. И идея о присоединении к Российскому государству у жителей Левобережной Украины и у Богдана Хмельницкого тоже возникла совсем не случайно. Не только зов крови и зов предков этому способствовал, но и здоровое желание черкасов и малороссов не погибнуть и не исчезнуть с лица земли - южные соседи, потеряв возможность вторгаться на защищённые непреодолимой преградой русские земли, удвоили и утроили разрушительную силу своих нападений на южные земли Речи Посполитой. Советские профессора истории из Черноземья видели несомненную связь между перекрытием последнего крупного и удобного шляха и созывом рады, но в общественном сознании этой связи не существует, и важность строительства уникального восьмисоткилометрового оборонительного сооружения для присоединения Левобережной Украины к Российскому государству мало кем

улавливается. Богдан Хмельницкий по какой-то причине попросился, царь пять лет чего-то ждал. Потом согласился и всё-таки присоединил. И всё.

И вот как раз там, на всенародной русской стройке века XVII трудились наши предки. Много предков, очень много предков каждого русского человека с корнями из Черноземья. Они в рамках обычной государственной службы в отдельные тяжёлые годы обязаны были привезти на подводе на строительство укрепления и насыпать по 200 кубометров земли каждый, да ещё и привезти 15-20 дубовых брёвен в два обхвата и 7 метров длиной. Работы шли с весны до начала зимы и прекращались только тогда, когда *"валовое дело стало делать за дождями и за морозами немочно"*. Тут напрашивается параллель с известным романом под названием "Обитель" - те же самые баланы, только из XVII века. Хотя в данном случае более уместным будет вспомнить Павку Корчагина и героев повести Валентина Катаева "Время вперёд", потому как по словам того же профессора Загоровского, строительство Засечной черты было поистине общенародным делом. Да и в служилые люди народ шёл конечно не из-за большого надела чернозёмной земли и сруба в 70 м², а потому что *"у них крымские люди поимали в полон отцов, и матерей, и жён, и детей, и братию, и племянников"*. Баланами "сталинизм" Алексея Михайловича не ограничивался. Так в 1647 году несколько новых, только что отстроенных крепостей на Черте были заселены служилыми людьми "сведением". То есть людей туда почти насильно привезли и велели остаться там жить и служить. Не крепостных, свободных людей везли. Хотя каких свободных? Холопов царя. Со всей России свозили - из Москвы, Тулы, Ефремова, Ливен, Ельца, Ряжска, со старых городов на Черте соответственно. Это было не наказание за провинности, не ссылка и не каторга, а насильственное заселение. Многие сбежали. Направление известно.

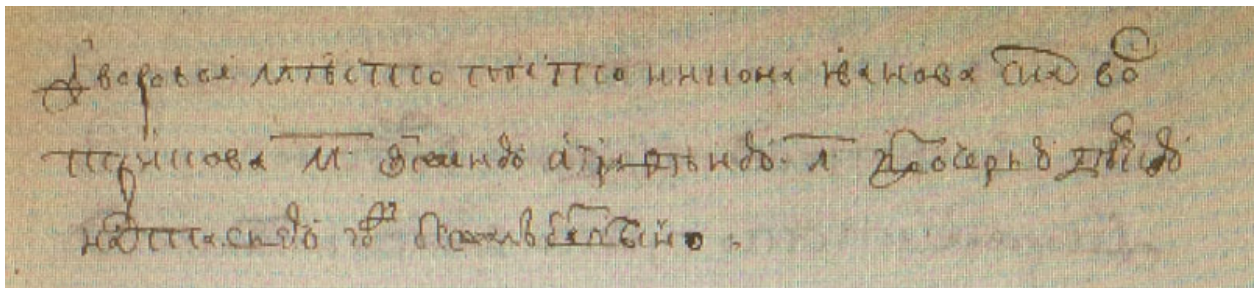
Алексей Михайлович воевал и победил. Его самолёт взлетел и полетел - конструкция оказалась удачной и двигатель мощным. Так же, как и у Петра и Екатерины Великих. У других правителей и с правами на трон было всё в порядке, и великодушия с мудростью было хоть отбавляй, и с моралью всё прекрасно, и подданных они любили, но их самолёты или не смогли оторваться от земли при разгоне, или разбились при взлёте. Не взлетел, разбился - неминуема кровавая смута. Царь Алексей - победитель. Это важно отметить. Кого, интересно, угораздило его Тишайшим обозвать? Может у Алексея Михайловича голос был тихим?

А что же Степан Разин? Он же вроде как разбойник? Поход за зипунами в Персию - это же в чистом виде разбой. Пять раз в разных произведениях Захар Прилепин об этих зипунах вспоминает. Задели они его, не дают покоя. Мы-то уже показали, что поход за зипунами его пращура (или брата пращура) вместе с Разиным - это почти доказанный факт. А может, не разбой это вовсе был, а попытка Степана Разина обеспечить финансирование важнейшего похода многотысячной армии на север, на Москву, главного похода всей его жизни? Опять же, по словам Загоровского, уже в 40-50 гг. донские казаки рассматривались царём и правительством как подданные. Казакам платили жалование, были попытки послать на Дон царских полковников. Казаки не могли всего этого не замечать - завтра, вслед за полковниками, и бояре понаедут, землю и людей делить начнут. А ведь Дон без бояр жил уже одно-два столетия. Донцы уже привыкли к независимости и к тому, что с Дона выдачи нет.

И нашёлся человек, который решился. За два века, за смутный и бунташный, Степан Разин стал единственным предводителем восстания, который не лукавил, не скрывал своих истинных намерений, не выдавал себя за чудом спасшегося царя или

царевича. Он открыто провозгласил, что воюет за Россию без бояр. В результате Разин потерпел поражение, но благодаря его и другим подобным выступлениям, казачье воинство сделалось в XIX в. войсковой элитой имперской армии, а казачье сословие получило невиданные преференции, недоступные многим другим сословиям. Государство решило, что дружить с казачеством будет спокойней. Главная же заслуга Степана Разина в том, что он посеял сомнения в умах миллионов людей, что удачно родившимся счастливым по праву принадлежит весь мир и все права на него, что огромной массе неудачно родившихся просто нужно смириться, и принять несправедливый мир таким, какой он есть. Разин поселил в умах надежду на то, что можно всё изменить.

Но XVII веком связь добренцев и каликинцев с казачьим Доном не ограничивается. В Ландгардской переписи 1716 года по селу Каликину отмечено, что, по-видимому, родной брат предка Захара Никон Иванов Востриков со всей семьёй бежал: *"Дворовой место пусто Никона Иванова сына Вострикова 40 з женой Аграфеной 30 и з дочерью девкой Настасьей году бежал безвесно"*.

В той ландгардке много интересного. Вот ещё: *"Дворовое место пусто Емельяна Данилова сына Вострикова 40 з женой Василисой 37 з дочерью девкой Степанидой полгода бежали безвесно"*, *"Дворовое место пусто Тихона Фомина сына Кузнецова 40 з женой Аграфеной 30 лет и з дочерью девкой Христиной 3 недель бежал безвесно"*, *"Дворовое место пусто Савы Карпова сына Кузнецова 40 з женой Ефимьей 30 и с сыном Прохором 2 недель бежали безвесно"*.

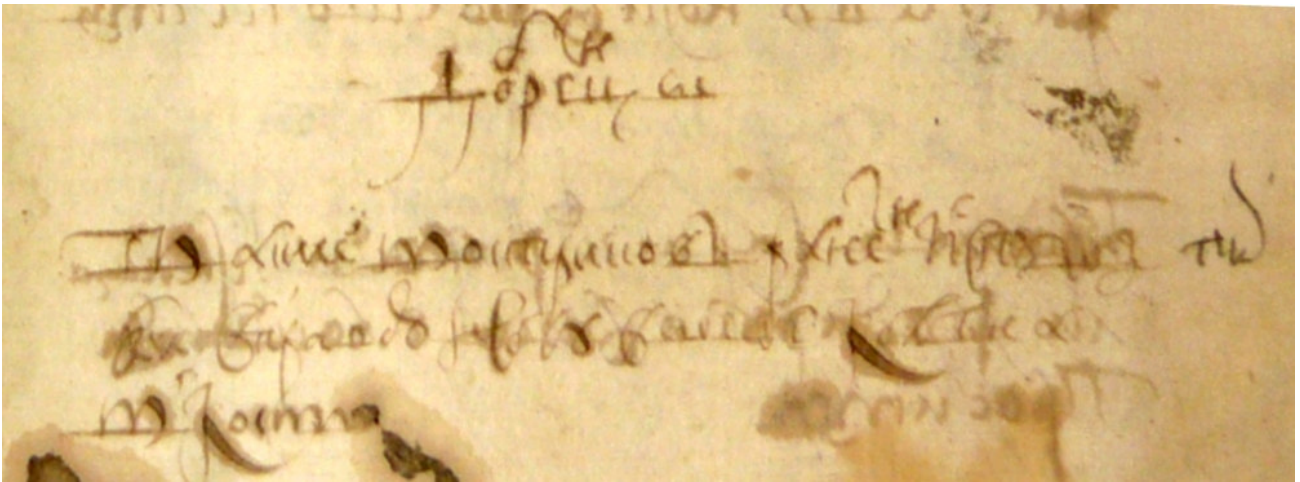
Около трёхсот человек обоего пола, это только тех, кого посчитали и внесли в перепись, бежали из Каликина в период с 1710 по 1716 год, чуть больше восьмисот человек осталось. Двадцать четыре мужчины были призваны в солдаты и семь жен отправились на службу вместе со своими мужьями: Игнат Максимов Востриков 30 лет взят в солдаты, Козьма Кузнецов 30 лет взят в солдаты, *"Андрей Иванов Востриков 20 лет взят в салдаты а жена ево Марфа 23 лет взял с собой"*, Андрей Фёдоров Востриков *"17 лет взят в салдаты и жена его Афдотья 17 лет умре"*. Те жены, что не пошли на военную службу с мужьями "умре". Думаю, что от голода. И специалисты так считают. Ну не от тоски же!

А те, что пошли? Трудно себе представить жизнь солдатских жен в действующей армии во время войны. Двести двадцать человек обоего пола умерли в Каликино с 1710 по 1716 годы: *"Дворовое место пусто Ивана Иванова сына Вострикова 45 з женой Гриной 40 лет померли в разных годех"*. Иван Иванов Востриков – это, по-видимому, родной брат прямого предка Захара Прилепина, тот самый, который присягал на верность юным царям Петру и Ивану. Пётр Максимов Востриков *"бежал безвесно а жена ево Максима Вострикова Наталья 47 и дочь девка Афдотья 3 лет и сын Аврам 15 Петрова жена Екоaterna 20 лет померли в разных годех"*.

Список умерших очень длинный. Умирили по сегодняшним меркам совсем молодые люди. Уже не первый год шла Северная война. Война - дорогое удовольствие. Государство постоянно увеличивало налоги, а с 1710 года ещё и принялось активно собирать их, не пропуская ни один двор. И именно в этот период, по мнению специалистов, налоги стали неподъёмными для простого человека, в том числе и для служилых людей Белгородской черты. И выбор у простого человека был не богатый: убежать, умереть, пойти в солдаты, перейти из служилого сословия в крепостные (в сказке от 1716 года по Добренскому уезду описаны такие случаи), выживать всеми правдами и неправдами в родном селе. Был ещё вариант - своего семилетнего сына, чтобы он сам не голодал, и чтобы было в доме поменьше ртов, отправить на завод в ученики суконщика.

Приветствую вас, Антон Павлович Чехов. Вашему литературному герою Ваньке Жукову невымысленный, живший когда-то в селе Каликино человек Фёдор Проскурнин привет передаёт. Он всё про вашего Ваньку Жукова знает - на своей шкуре всё испытал. Что ж, у нас с вами, читатель, кажется, есть повод возненавидеть Петра Первого - ещё одного тирана в русской истории? Повод есть, причины нет, воздержимся. Но помнить, однако, нужно и без всякой ненависти к Петру, что выход к двум морям, создание российской науки, образования, литературы, боеспособной современной армии и флота и далее по двадцати пунктам, стоило простому народу очень дорого, и что очередной Разин, тот, который Булавин со своим войском появился в русской истории совсем не случайно. В общем, для объективной оценки той эпохи, одновременно с пушкинской "Полтавой", неплохо было бы изучать ландгардки городов Засечной черты 1716 года. Чтобы картина не выглядела исключительно мрачной, приведём ещё одну коротенькую выдержку из переписи 1716 года по г.Доброму: дети подьячего Тита Артёмова сына Зеленева *"Гаврила 6 лет Фёдор 4 лет по указу Великого Государя в 1716 году взяты на Воронеж для науки цифири..."* Дети из Доброго Гаврила и Фёдор, совсем ещё малыши, цифры учить поехали в далёкий Воронеж, математику учить. Это в духе того времени! Это дела знакомого нам русского императора Петра Великого!

Вернёмся к нашим служилым людям. В 1695 г. Алексей Прилепин ходил в Азовский поход Петра Первого. В 1689 г. Иван Фёдоров Прилепин, Свирид Матвеев Востриков (брат предка писателя) ходили в Крымский поход В.В. Голицына. Был ещё такой Чигиринский поход в 1678 году, добренские драгуны тоже в нём участвовали. В те же самые Крымские и Азовские походы предки наших классиков литературы ходили, прадеды композиторов, художников, поэтов, героев войны 1812 г., декабристов. Так - прапрадед Александра Сергеевича Пушкина Пётр Петрович Пушкин в Крымские походы ходил. Другой его прапрадед Иван Михайлович Головин - в Азовские походы. Ещё один предок поэта, прапрапрадед Иван Иванович Ржевский отчаянно оборонял от осады крепость Чигирин на Днепре, куда был отправлен правительством для организации её обороны. Крепость серьёзно пострадала от ядер и гранат неприятеля, гарнизон ждал подмоги, которая шла с востока. В тот момент, когда Иван Иванович увидел приближающиеся русские полки, его сразила турецкая граната. Излишне повторять, что в полках были наши. На их глазах был убит отважный предок великого поэта. В том же самом походе и в том же месте, в то же самое время был ранен из пушки в правую ногу добринец Василей Востриков. Брат? Родной? Двоюродный? Какая разница. Они там все братья, все родные.

Совершенно не будет преувеличением, если сказать, что в походах наши предки и предки декабристов дружно переправлялись через реки - подставляли плечо, подавали руку друг другу; с предками героев 1812-го года ночью рядом грелись у костра, под одним куполом, сидя друг от друга неподалёку, на звёзды глазели, свой дом, своих жен, детей вспоминали; с предками поэтов из одного котелка горячий кулеш хлебали. Вряд ли пушкинские предки родством кичились, они были хоть и родовитыми, но обедневшими. Да, конечно, предки А.С. Пушкина и Е.Н. Прилепина, скорее всего, в разных полках служили, но могли, могли они всё-таки у ночного костра встретиться. И мои с теми и другими тоже встречались. Если у Толстого в "Войне и мире" дворяне и мужики из одного котелка хлебали, то в реальной жизни в степи у Перекопа и в Азове наверняка то же самое было. Предки Л.Н. Толстого, кстати, тоже в те походы ходили.

А из крымского похода, после того, как все лошади пали, добренцам, в том числе Прилепину, Вострикову и Кузнецову пришлось на себе полторы тысячи километров до центральных районов России пушки тащить: *"А как де боярин и оберегатель князь Василей Васильевич с полками от Перекопа поворотился к Самаре и они де их государскую казну пушки и всякие полковые и пушечные и хлебные припасы от Перекопа до новопостроенного Богородицкого города везли на себе потому что де лошадьми они опали"*. РГАДА, ф. 210, д. 1105. л. 125. Снова Павка Корчагин. Им было поручено важное государственное дело. Выполнили. Выполнили.

Ещё один прапрадед великого Александра Сергеевича Пушкина, Иван Андреевич Чичерин с братом и двумя племянниками в один день погибли в Полтавской битве летом 1709 года. И белгородский полк в Полтавской битве участвовал, мы знаем, что и добренцы там были и всё своими глазами видели, тоже гибли, ранения получали. И это была наверняка не последняя совместная битва. Желающие могут своих в списках участников поискать.

Погружаясь в вопрос, начитавшись документов, узнавая, открывая, укладывая в голове новые знания, теряешь чувство реальности. Иногда начинается совсем какая-то детская игра, как когда-то, когда полк оловянных солдат в полной боевой готовности выстроился за диваном, пластмассовых - под креслом, а мамин ужас - пластилиновый полк ждал команды под столом. А главнокомандующего так некстати отправляли спать. А теперь со своими настоящими воинами из XVII века, впадая в детство, точно также начинаешь идти в бой, форсировать, атаковать, держать оборону, выносить раненых с поля боя. Смотришь на них, и предки начинают ходить, улыбаться, шутить, щуриться, почёсываться, лучину зажигать, лошадь запрягать,

ружьё чистить, разговаривать друг с другом. Почти как человечки у Михаила Афанасьевича Булгакова в "Театральном романе". Чтобы они действительно ожили, хорошо бы изучить побольше документов того времени. Необязательно в документах речь должна идти о непосредственных твоих, кровных родичах, существует множество интереснейших описаний родных городов и сёл, какими они были в то время.

Есть документы по межеванию. Вот замечательные отдельные фразы и словосочетания из Лебедянской писцовой книги (1627-1628 гг.), взятые мной из альманаха "Исторический квартал" Выпуск 3/2013: *"Межа села Каликина тех же Чюдова и Спаса Нового монастырей от села Доброго Городища земли от ольхового болота моховым бояракам вверх к дубу... Чёрный боровой лес и болотной ... хмелевое угодье ... бортный ухожей ... Толоконье болото ... лес раменье чёрное ... А от того куста прямо в степь мимо куст по правую сторону что стоит в колче... на Осеевский борок до Драконова болото ... через Воронеж реку и рыбные ловли и бобровые выгоны... От Зарайской дубравы и от Крутой горы низом полубояраком крутым вверх"*.

У них там буераки от полубуераков отличались! Боровой лес - это, видимо, сосновый, лес раменье чёрное - наверное, ельник. Колча - может, неровность? Толоконье болото - это что? А Драконово? Говорят, что даже в XX веке перед Великой Отечественной местные старожилы знали, где находится Драконово болото. Где-то между Каликино и Кривцом оно и до сих пор находится, только стало безымянным. И уже не узнать - откуда там драконы? Какие? Может, о трёх головах? Ухожей - это отдельная большая тема. Правительство выделяло людям - знатным, служилым, крепостным - удалённые, необрабатываемые участки леса. Чаще всего - для бортничества или для охоты, например, для бобрового промысла. В конце XVI в. весь Воронежский уезд состоял из ухожеев. В межевых книгах очень много интересного, в одном абзаце всего не перечислишь.

Есть один совершенно удивительный документ (РГАДА, документы Разрядного приказа в фонде Белгородского стола дело № 40, Росписные списки г. Доброго Городища 166 г. (1-150) и 168 г. (151-299)), в котором в мельчайших деталях описана крепость в Добром-городе середины XVII века. Описана со всеми башнями: глухими, проходными, с шатрами на башнях, рвами, настилами, со всеми пушками, с хлебными, пороховыми и прочими запасами, мостками, срубами, воротами, с пищалями и шпагами в ружейном амбаре, с государевым товтяным знаменем на древце и 15-ю знаменами киндячными, лестницами, тайными подземными ходами, с ядрами, сундуками, железными крюками и вислыми замками. А ещё в нём сказано, когда и сколько драгунов на караул должно заступить, и сколько драгунам положено отдыхать и когда меняться. Кроме того, приведён полный список хранящихся последние тридцать лет грамот, челобитных, распросных речей, амбарных книг и прочих документов. Описание настолько детальное, что оно позволяет любому желающему воссоздать точнейшую модель Добринской крепости. Например, трёхмерную в Автокаде можно попробовать сделать. Придумывать и домысливать ничего не придётся. В том же документе сказано, что в каждом селе был свой острожек, над дорогами, ведущими на ногайскую сторону, были башни с воротами, а между всеми башнями и острожками надолбы пять метров высотой в два-три ряда. А в лесу за рекой (у Драконова болота) ещё и засеки имелись.

Чрезвычайно интересны жалобы, судебные дела и челобитные. А.Н. Толстой для постижения тонкостей русского языка конца XVII века изучал протоколы пыток.

Для нас судебных документов будет достаточно. Так в одном из них подробно описано имущество служилого человека, обычного драгуна (РГАДА, ф. 210, Приказной стол, ед. хр. 1215, лл. 235-244). Вот неполный список: *"... хлев да овчарх сосновые ж, троя лошадей мерин пег, кобыла пегга да кабыла салова, две каровы да два быка, девять овец, три казы, котел винной медной с трубою, котел пивной железной, чан пивной, четыре напола, два буровля, две теслы, пазник, кирка, восемь серпов, семь одоней ржи, одонья проса"*. Хорошее хозяйство. В этом документе речь идёт о том, что зять через двенадцать лет жизни в одном доме с тестем, решил отделиться. И московский приказ постановил: *"... отжив де урочные годы дат ему Семену ис своих пожитков в животах и в лашадах и во всякой скотине и в платье и во всякой мелкой рухледе и в земле и дворовом строению и в хлебе стоячем и молочном и в ... и во всем третьей жеребей"*. И здесь урочные годы, целых двенадцать лет. А до этого что, зять не имел права уйти от тестя? Или остался бы ни с чем, если бы ушёл? Через двенадцать лет зять получил треть всего совместно нажитого имущества. Занятная информация.

Очень любопытный есть документ (РГАДА, ф. 210, Приказной стол, ед. хр. 1248, лл. 300-304) - солдаты просят царя позволить им занять пустующие земли: *"Служат де они салдатцкую службу многие годы и на многих службах были в Киве и в Запорожье и в обеих Крымских походах и всякие подати и хлеб и петковые лошади платят своею братею вряд. А поместья де за ними нет ни по единой чети. И от тех де служб и ото всякого платежу без поместья они оскудали, великими долгами одолжали и впредь на службу поднятца им за скудостью нечем. А есть де в Добренском уезде за рекою Воронежем на речке на Гайке и в верх по Гайку в дачах и в урочищах добренца Анисима Полетаева с товарищи лишняя примерная земля. И тою примерную б землю отдать им беспомесным в поместье чтоб им было с чего вашу великих государей службу служить и подати платить..."* *"роспашную и порозжую землю дикое поле и сенные покосы и всякие угодыя..."*.

Челобитные от общества были распространены. Этот факт свидетельствует о важной роли общины в те времена. Ещё один документ, тоже от общества - это жалоба на подьячего (РГАДА фонды Разрядного приказа столбцы Приказного стола (ф. 210, оп. 13, д. 185, лл. 295-313, 315-348, 351-353): *"от того государь Ивана нам холопам твоим многим драгуном многие убытки ставил многия и налоги с продажи напрасныя и многих государь драгунов он Иван бранит матерны и бороды дерет и жон наших позорит"*. Типичный бандит, дорвавшийся до власти. *"Мирский кравативец"*, *"мир выел"* - это как раз о нём.

Далее служилые люди мягко, но настойчиво шантажируют государя - можем ведь и разбрестись кто куда: *"От Ивана подьячева и от губнова Федота и от их советнова писма и от нопраснова поклепу в конец не погинуть и розна не розбрестисе"*. Жалобы и челобитные возымели действие, подьячего отставили. Одним, из подававших жалобу был Василий Фурсов, предок по мужской линии Сергея Фурсова, краеведа, энтузиаста, специалиста по генеалогии, который очень помог в сборе материалов для данной статьи. Подьячий Иван Коптяев пишет царю: *"... на меня холопа твоего то ложное челобитье немногие люди добренские ж драгуны Аврамко Толстых да Васька Фурсов, Микитка Болдырев... А написав государь они те лживые обыски приносили в съезжую избу к воеводе к Федору Обернибесову"*. У Н.В. Гоголя в "Ревизоре" у действующих лиц не настолько вычурные фамилии, по сравнению с фамилией добренского воеводы времён молодого

Алексея Михайловича Романова. Но Обернибесов не вымышленная фамилия, а реальная, и оттого она звучит как песня.

Другая замечательная история (РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 1537, лл. 64-70), дошедшая до нас, произошла 28 декабря 1692 года. *"7201 [1692] году в 28 день пришел в Доброе в приказную избу перед воеводу Макарья Ивановича Челищева часу в третьем ночи добренской пристав Анашка Гончаров и извещал словесно. А в словесном своем челобитье сказал. Декабря де сего ж числа ехал он из села Каликина в Доброе. А в Каликина де он посылан был для высылки подьячих и пушкарей. И как де он приехав в Доброе к посаду против двора Тимофея Лазарева сына Сальникова и в том де месте напали на него Анашку добренцы Левонтей Везовиков с товарищи своими пять человеки. А товарищев де ево Леонтьевых он не опознал. А опознал де он только ево Леонтья. А нападчи де они на него учели бить тремя ослопами. Да с ним же де ехал зять ево Сазонка Авчинников. И ево де Сазонку ани били же теми же ослопами. И тот де ево зять Сазонка теперва жив ли или безвести пропал тово де он Анашка не ведает, потому что он остался у них в корогоде. А он де Анашка от них ушел. Да у него ж де ани Левонтей с товарищи отбили у него лошедь карю. А кабыла де или мерин тово де он неустотрел потому что де та лошедь не ево. А ту де лошедь ему дал добренской салдат Тихон Елфимов зять Сафонова и с саньми. А в санях де была два мешка ржи да кушин вина".*

Ну, то есть на должностное лицо при исполнении напали пять злодеев, избивали дубинами, отобрали имущество. Пристав ещё и побои догадался снять: *"По досмотру бою на нем Анашке на голове прошибена в одном месте"*. На следующий день один из нападавших был допрошен: *"Декабря 29 день в Доброе в приказную избу перед воеводе Макарья Ивановича Челищева добренской сын боярской Леонтей Везовиков против челобитья Акашки Гончарова сыскан и допрашиван"*, и в показаниях своих Леонтий огласил состав корогода: *"з братом своим с родным с Якушкою и з женою своею Палашкою и з двоюродною сестрою девкаю Степаниткою"* они ехали. *"А иных товарищев с ними никого оприч тех людей каторые написаны выше сего никого не было"*. Везовиков сказал, что заступился за девушку, дубины у него не было, сани, лошадь и кувшин с вином он не видел и не брал. Пристав, видимо, преувеличил и сгустил краски. В тот же день допросили свидетеля. *"Декабря в 29 день добренской пушкарь Автамошка Копанов роспрошиван. А в роспросе своем он сказал де. Декабря в 28 числе в вечеру из села Каликина с матерью своею ехал от праздника (У Л. Н. Толстого в "Хозяине и работнике" подвыпившие крестьяне тоже "ехали от праздника"), а попереди их ехал Левка Везовиков и з братом..."* Но свидетель ничем не смог помочь следствию, *"Потому что де он Автамошка в то число в санях спал пьян... И с ними де он Автамошка никого тою дорогою не бивал ж"*. Пьянство, грубость и мордобой - это отвратительно, но то, что мы можем представить себе эту живописную картину спустя 330 лет, потрясает воображение.

Есть другие интересные жалобы, челобитные и судебные дела. Часто в них просят царя, воеводу или царский приказ защитить честь служилого человека, которого побили, обматерили, или обидели его мать. Есть послания о незаконной постройке плотины и мельницы, которая мешает другой мельнице, или рыбной ловле. В одном из документов речь идёт о жалобе протопопа на жителей села Богородицкого, что они нанесли протопопу побои за то, что он пытался воспрепятствовать их играм с перескакиванием через огонь. А ещё имеется одно потрясающее, особенно интересное для нас дело, в котором речь идёт о челобитье солдата с. Каликина Алексея Иванова сына Прилепина (это тот, кто под Азовом

служил, брат прямого предка Захара) назначенного на службу, *"о распечатании его двора, запечатанного "неведомо по какому указу" подьячим Игнатом Павловым"*. Кроме того, Алексей Прилепин обвиняет подьячего Павлова в нанесении побоев его матери. Этот документ, безусловно, достоин отдельной публикации, которая обязательно состоится. В ней будут мельчайшие бытовые детали и подробности, с объяснениями устаревших слов и с комментариями.

По большому счёту, такие документы, о походах, о крепостях, о поездках зимой на санях, должны быть извлечены из небытия. Должно быть расшифровано, написанное загогулистыми письменами, и записано понятным современному человеку языком, издано толстыми томами многотысячными тиражами, раскуплено, как бестселлеры, и зачитано до дыр. А.С. Пушкин писал о труде Карамзина: *"Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего Отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом"*.

В начале XIX века история древней Руси, старинные документы внезапно стали популярны в среде русских аристократов. Документы эти до сих пор заслуженно пользуется повышенным интересом у читающей публики. И это здорово, "Повесть временных лет" и "Слово о полку Игореве" нужно любить, читать и перечитывать регулярно, анализировать, научные работы им посвящать. Это нетленные памятники, это сокровища. Но знания о наших рядовых предках, о служилых людях, и не только о них, о предках из разных областей и краёв, о предках из разных племён и народностей, тоже имеют огромную ценность. Самые первые, самые древние документы - невероятную ценность, не меньшую чем ПВЛ, по крайней мере, для своего региона. Как бы нам открыть эту Америку, как зажечь интерес?

Интерес к самим себе. Ведь мы неинтересны сами себе. Мы теперь цивилизованные люди. Это без сарказма сказано, это констатация. А в цивилизованной западной исторической системе координат, той, которая дала России, к примеру, христианство и современную науку, нет места служилым людям с Засечной черты. Они за пределами, на обочине и за обочиной. Они не интересны, они как бы ничего не создали, ни на что не повлияли. Немые статисты. Нам обязательно нужно любить, уважать и ценить западную систему координат со всеми религиями и науками, и её частный случай, русскую аристократическую, ту, которая дала миру классическую русскую литературу и отечественные классические достижения в других областях культуры. Но цивилизационные ценности не должны от нас заслонять знания о наших прямых предках, которые, кстати, тоже в какой-то степени уже были встроены в западную цивилизацию. Капралы, драгуны, шпаги, новый строй - всё это было позаимствовано у Запада. С другой стороны они, предки, были гораздо ближе к нашей архаике, к перепутьям между Рязанью и Тмутараканью. Нужно найти какой-то баланс, дать законное место нашим неродовитым предкам в нашей современной исторической координатной сетке. Знания о родных и кровных на самом деле доступны, но, по большому счёту, не востребованы. А ведь мы шатки без знаний о своих родных. Без них нас можно дурить, можно нам тыкать пальцем в бок, снисходительно потрёпывать по плечу:

- Ты нерадив и никчемный третьесортный западник. Эй, зачем тебе столько земли? Освободи её для лучших людей!

Если на автомобиле ехать от Москвы в южном направлении, то через полтора часа минуешь Венёв или Михайлов - фактически пограничные города России середины XVI века. А последующие двенадцать или пятнадцать часов езды - это

путешествие по русскому пограничью XVI-XVIII вв. Епифань и Скопин были фактически пограничными землями в конце XVI века, Тамбов, Мичуринск (Козлов), Доброе, Липецк (Сокольск), Усмань - это приграничные крепости середины XVII века, Елец, Воронеж, Белгород - это крохотные русские островки, существовавшие и в XVI, и в начале XVII века, в почти необитаемом океане Дикого Поля. Дальше идут земли казаков, дальше Азов, который был пограничным городом в конце XVII - в начале XVIII вв. На этих просторах на тысячу километров от столицы на юг в каждом селе и в каждом урочище вдоль дороги и далеко от дороги на погостах кости до сих пор лежат в десять слоёв. Кости тех, кто эту землю осваивал. Мы эту землю не в лотерею выиграли, за неё наши предки кровь проливали и трудовым потом её поливали, обустраивая. Ведь не напрасно они кровь проливали, тяготы и лишения терпели - вон какую страну они нам в наследство оставили. Не все из них были князьями и полководцами. Но за всеми без исключения историческими событиями в России стоят простые, безызвестные русские люди - наши предки. Они винтики и кирпичики, но без кирпичиков здание не построишь, без винтиков машину не соберёшь. Не должны они быть безызвестными. Их героические жизни достойны нашей памяти и уважения.

* * *

Низко кланяюсь и благодарю Фурсова С.В и Межову Н.В. Это они подарили мне мой XVII век. Обо всех без исключения документах РГАДА из фонда 210, а также о документах Разрядного приказа я узнал от Сергея Фурсова. С Ревизскими сказками он тоже мне помог. Он же смог найти документальную связь между Алексеем и Андреем Ивановыми и Иваном Федотовым Прилепными. Основной поиск в Ревизских сказках вела специалист по генеалогии Наталья Викторовна Межова. Она же помогала мне овладеть премудростями поиска предков, живших в XVII-XVIII веках. Благодарю за интереснейшую совместную работу специалиста по генеалогии Светлану Карнаухову.

*Рыльчиков Илья Валерьевич,
Академия ДНК-генеалогии
<http://dna-academy.ru/>*